

БЛАГОДАРНАЯ

Дожди накрыли нас неожиданно. В один из дней заморосило, заполосило, залило. Помню, Олег говорил, что больше всего он боится умереть в дождливый день. Мы лежали в палате с наглухо закрытыми окнами и вдыхали запах больничного корпуса. Мой сосед читал свежий выпуск газеты и хмыкал. Кажется, именно тогда мы были живее всех живых: лежали друг против друга на больничных койках и обсуждали мир снаружи.

Знаете, что я вам скажу – болезнь сближает больше любого общего счастья. Мы тут все братья да сестры... были. Олег держал мои холодные пальцы в своей ладони, и она была невесома как перышко. Простыни, простыни, белые... Жарко, жарко, снимите!

Белые накрахмаленные простыни. До сих пор летят они у меня перед глазами. Летят, как журавли. Как бесконечная венчальная вуаль, как похоронный саван. Навсегда вошли они, эти простыни, в мое сознание как символ чистоты и смерти. Как исход в извечной борьбе, как окончание бесконечной для кого-то ночи, за которой неминуемо придет новый день. И ветер надует «парашютиков» и листьев на наши кровати. На свежую, пахнущую порошком, только что застеленную опустевшую койку.

Какой же Олег худенький, как восковая куколка. И ребра выступают из-под рубашки. Мальчишечка мой, светловолосый. Кап-кап. У него сегодня пошла горлом кровь. Он совсем обессилел от болезни. Скулы как утесы вырисовались. Дышит так тяжело. Вдохнет, а я сижу, жду, когда выдохнет. И точно час жду. А он как ухнет, засвистит. И тут же закашляется. За плечи возьму его, а он выскальзывает.

В среду вышло солнце, и нам разрешили выйти во двор. Пошли втроем – я, Майя и Олег. Одетые, как на Северном полюсе, но все равно довольные

возможностью оставить палату хотя бы на полчаса. Листья уже начали падать и покрыли тонкой коркой дорожку во дворе, лавки у больницы. Помню, тогда-то мы и начали этот бестолковый разговор о смерти. «А я бы хотела умереть осенью, – выпалила Майя, – чтобы хоть кто-то обо мне плакал». Это она дождик за плачь считала. Майка у нас поэтесса. И круглая сирота.

В день, когда мой брат Игорь передал через врачей снимок родителей, Майя взяла его в руки и пристально изучала с минуту, то приближая, то отдаляя от глаз. Тогда она мне все и рассказала о себе. Выросла Майя в детдоме: от нее после рождения отказалась мать. «Я ее, Алиса, не виню. Вот Светка у нас любила сочинять, что ее родители уехали в другую страну, а когда вернутся, заберут ее домой. А еще помню Ольгу, мы рядом спали. Ее мать-алкоголичку родительских прав лишили. Так она говорила, что когда выйдет из детдома, найдет ее и в лицо ей плюнет. А я свою мать не знала. Ну и Бог ей судья. Пошли молоко пить».

После детдома Майка выучилась на швею и пошла работать на местную фабрику, получила комнату в общежитии, завела канарейку. На вторую неделю нашего знакомства я увидела у Майи толстую, потрепанную тетрадь и полюбопытствовала, что в ней. Почти перейдя на шепот, Майя заговорщически выдала: «Мои стихи».

О чем же писала эта тоненькая, хрупкая, лишенная в детстве родительской заботы девушка? О любви! О любви к жизни, о любви ко всему, что она только могла видеть из окон фабрики, своей маленькой комнатухи, автобусов и трамваев. «Люди все бегут-бегут, торопятся куда-то, а главное-то они и не замечают. Сегодня смотрела, как мальчишка котенка бездомного под куртку спрятал и домой понес. Все потому, что все люди от природы добрые. Только вот самое важное иногда упускают».

Мая была из нас самой сильной. Она приняла свою мать, какой бы она ни была, и приняла свою

болезнь. Наверное, поэтому было особенно грустно и больно осознавать, что она ушла первой. Мы с Олегом сидели у окна и читали стихи. На улице уже бушевала весна. Солнце казалось ослепительно сочным, как лимон на фоне лазурного неба. Душный воздух, проникая в комнату, накалял все, что встречал на своем пути, точно пытаюсь выгнать присутствие смерти из нашей палаты. Мамочка, в твой последний день природа не плакала, она радовалась наступившему умиротворению.

Если бы вы вышли сейчас из нашего больничного корпуса и сели на трамвай, то, проехав девять кварталов, три сквера и школу, через час могли бы очутиться в Олимпийском переулке, в доме номер семь. Именно здесь, напротив фабричного общежития, живет Коля. В это утро, как и много дней подряд до этого, Коля собирался кормить желтую канарейку, оставленную ему знакомой на время отъезда. Зазевавшись всего на секунду, мальчик выпустил ловкую пичугу из клетки, и та, недолго думаю, отыскав окно, из которого тянуло весной, теплом и свежестью, очутилась на свободе. Николай минуту провожал ее взглядом, пока та не растворилась в бесконечности небесной синевы.

Олег был всегда угрюм, сосредоточен, но при этом очень внимателен к тем, кого все же пускал в свой практически наглухо заколоченный мир. Мы, конечно же, не были знакомы до того, как очутились здесь. Но знали, что Олег потерял намного больше нас. За стенами корпуса в той, другой жизни, у него была любимая работа инженера, жена Любочка и маленькая дочь. Здесь у него были лишь мы. «Жалкие подобию людей – вот кто вы!» – кричал в припадке отчаяния Олег, обращаясь куда-то в стену за собой. Врачи давали ему месяц, он прожил полгода. Иногда Любочка приходила его навестить. В палату ее в последнее время не пускали. Открытая форма, осложненная простудой. Дочку Олег не видел с того дня, как попал сюда. Мы действительно не могли его понять, и в этом заключалась его самая большая трагедия. Олег был точно подстреленный зверь, убежавший

от охотника, но все же смертельно раненый. Он надеялся на быстрое избавление, а вместо этого получил шесть месяцев мучительного ожидания. Весточки извне его давно не интересовали. Газеты, книги, письма, звонки, фотографии, короткие встречи с близкими. Зачем все это, если все уже решено? Если ты был, и вот тебя уже считать нет.

Был ли у Олега хоть маленький шанс выйти отсюда? Я до сих пор не знаю окончательного ответа на этот вопрос. Но, возвращаясь мыслями к тому времени, все чаще ловлю себя на положительном ответе. Физически он мог выкарабкаться, психологически – нет.

Ограничьте жизнь двух людей недельным отрезком, и вы увидите, как один возьмет билет до дома, чтобы покачаться на качелях, с которых упал в восемь лет и расшиб колено, а другой за пару дней доведет себя до того, что спустит курок раньше срока, так и не узнав, была ли граница реальной или кто-то невидимый уже стер ее, как мальчишка линию, выведенную мелом на асфальте. Олег оказался на стороне второго. В последние дни он был действительно похож на ту блеклую тень живого человека, которой считал себя.

На следующий день меня вызвали. Завтрак подали в восемь, а в десять к нам зашла Анна Васильевна. «Алиса, вас Васнецов ждет», – процедила она и мягко поплыла по коридору прочь от нашей палаты. Накинув халат, я двинулась к выходу. Преодолела холл, поворот, еще поворот. Остановилась. Сердце колотилось где-то в голове, в груди кололо.

Андрей Николаевич уже дожидался меня. Его большие руки были разложены на подлокотниках отвернутого от стола кресла. Голова задрана, взгляд медленно двигается по грампластинкам и фотографиям на стене, а сам он напевает что-то веселое себе под нос. Заметив меня, врач развернулся, и я увидела его лицо. Спокойное, сосредоточенное. «Приехали, – промелькнуло у меня в голове, – сейчас скажет, чтобы я крепилась, ну или что там говорят в таких случаях».

Но Васнецов молчал, точно выжидая момента. На стене тикали часы. И вдруг остановились.

Комната разом показалась мне такой огромной и тихой, точно из нее вынесли всю мебель, а мне в уши вставили беруши. «Алиса, мне принесли ваши анализы. Очень... Очень хорошо. Просто чудесно! — Андрей Николаевич крутил листки в руках, все еще мыча в такт какой-то незатейливой мелодии. — Через пару недель отправим вас домой».

Я сидела, широко раскрыв глаза. Кто-то выбил стекла из огромных окон кувалдой, и в кабинет Васнецова ворвались все звуки внешнего мира. За окном пели птицы. Нет, не пели — неистово заливались, соревнуясь в своем удивительном мастерстве. На улице из-за поворота выскочила легковушка, и недовольный водитель автобуса нажал на сигнал со всей силы.

«Алиса, Али-и-и-и-са», — Андрей Николаевич тряс меня за плечи. Анна Васильевна появилась в дверях. Раз, два — и у меня в руках очутился стакан с водой. Я сжала его пальцами и сидела, пока костяшки не побелели. Наконец, догадавшись для чего мне его дали, отхлебнула содержимое и поставила стакан на стол с такой силой, что услышала, как он встретился со стеклянной поверхностью, наделав незаметных глазу трещин.

Меня выписали через шестнадцать дней. Долгих шестнадцать дней. Я ждала этого, как ждут дети Нового года или дня рождения. Да что уж там! Как того и другого сразу! Температура не поднималась, хрипы стали редкими. Ночами я спала спокойно и просыпалась только для того, чтобы глянуть, как там Олег. Он ворочался, и его надрывный кашель был единственным, что омрачало переполнявшее меня счастье. Под утро он засыпал, окончательно потеряв последние силы. Я гладила его лоб и беззвучно плакала, понимая, что оставляю его здесь как последний предатель. Думала, что оставляю...

Его не стало ночью. Когда я проснулась, его уже не было. Была раскрытая книга на тумбочке и откинутое ночью покрывало, а Олега не было. Я осторожно поправила челку и укрыла его. Присела на край кровати. Снова встала. Стала кого-то звать.

На следующий день я уехала. Провожать меня вышел весь немногочисленный персонал — Васнецов, Анна Васильевна, две сиделки. Приехала даже заплаканная Любочка, жена Олега. Долго меня обнимала, вручила пакет апельсинов. Отсюда редко кто-то уезжал. Выходит, мне невероятно повезло. Я стояла у самого края, но кто-то необъятный, неосязаемый и любящий положил мне на голову ладонь и снова завел меня, как часы в кабинете Васнецова. Что я чувствовала в этот момент? Благодарность. А еще я чувствовала, что Он выбрал именно меня, а значит, я не имею права Его подвести.

«Тетенька, вам котенок не нужен? Он замечательный, трехцветный. Я его домой принес, а мама говорит, чтобы тащил его туда, где взял. Возми-и-и-те». Я обернулась и увидела знакомого мальчугана. Кажется, это был третий котенок, которого он пытался спасти от участи бездомного. Подхватив мурчащее нечто и посадив его в апельсина, я зашагала прочь.

ТАМ, ГДЕ ШУМЯТ БЕРЕЗЫ

Инга встала в пять. За окном густилась темень, и из-за этого она чувствовала себя как-то неуютно. Поставила чайник. Пора поднимать Василия, но легли вчера поздно, и было жалко будить крепко спящего мужа. Стояла и переминалась с ноги на ногу. «Пора», — сказала она тихо, слегка потрепав его плечо. Василий резко открыл глаза, заворчал, осознав происходящее, сел в постели. «Завтракать пошли», — протянула Инга и вышла из комнаты.

Собирались второпях. До полседьмого нужно добраться до вокзала. Электричка, с утра не прогревшаяся, деревянные длинные лавки неприятно морозят голые руки, неприкрытые ноги, заставляют вздрагивать. Поэтому, выходя на станции, чувствовали какое-то облегчение и радость. К тому же веселое весеннее солнце поднялось и разогнало мрак, приятно грело, обдавая с ног до головы.

Курганная. С вокзала отправились на базар купить необходимое: краску, кисти, искусственные

букеты. Раньше сажали живые цветы, но когда едешь раз в пятилетку, уже не до саженцев. С собой — бережно, как ребенок, укутанная в ткань тляпка, в пакете — обед: бутерброды, варенные яйца, пироги, кефир.

С базара отправились на автостанцию. Оттуда удавалось добраться до развилки возле старого, действующего когда-то, колхоза «Красный октябрь». А дальше зона отчуждения. Пятикилометровый отрезок, остававшийся до Чаплыгина, преодолевали либо на попутках, либо пешим ходом. Мать Инги предпочитала «голосовать», когда отправлялась в хутор сама или с дочерью, на почве чего в доме часто разгорались дебаты. «Надь, ну ты чего удумала? Люди всякие бывают. Еще и с ребенком, ее хоть пожалей», — нравуочал мать Андрей Семенович. Она молчала, смотрела поверх него. Маленькая Инга не могла взять в толк, почему папа ругается. Ехать с незнакомцами ей было вовсе не страшно, а с разговорчивыми — даже очень весело. Рассказывали хуторские новости, по традиции жаловались на разбитые дороги.

От Курганной доехали быстро. В маршрутке смотрели на Ингу с Василием хуторские, незнакомые лица. Кто-то вез с базара хозяйственные товары, которых в хуторских универсамах часто не хватало. Везли и «живой груз». В картонных коробках шумели желтые комочки утят, сидели, притихнув в испуге, большеухие кроли, купленные дородной женщиной, видимо, на развод.

Вышли у спрятанных в деревьях ворот колхоза и стали искать попутчика, но вдали как назло виднелась только сверкающая на солнце, поднятая в воздух маршруткой пыль. Да и та осела через минуту.

Василий перекинул сумку через плечо, удобнее перехватил тляпку. Двинулись. Солнце уже как следует разогрело майский воздух, било теплом в макушку и плечи. Приходилось останавливаться, пить, разминать уставшие от тяжести сумок ладони.

В хутор заходить было боязно. Инга приезжала сюда последний раз лет в двенадцать. Серые, покосившиеся от времени столбы, как стражи

возвышались по обеим сторонам крайней улицы. Женщине почудилось, что они не рады не навещавшей их много лет знакомой. Внутри что-то дрогнуло и больно отозвалось.

Каждый раз, ловя в окне глазами остров захваченного травой и деревьями станичного или поселкового погоста, Инга чувствовала, что он смотрит на нее, убегая вдаль, машет покосившимися и завалившимися крестами, ветками тополей, берез, давным-давно высаженной и разросшейся сирени. Укоряет непутевую, хочет крикнуть: «Вспомни». В такие моменты Инга и начинала думать о поездке к своим, заговаривать потихоньку о ней с Василием. Он хмыкал, сетовал на завал на работе. На том все и кончалось. Но в этом году Инга не отступила, и муж сдался. Решили съездить до Пасхи, но затянули и ехали после. Свои должны были все понять и простить.

Дом Ингиной бабушки продали давным-давно, почти сразу после ее смерти. Деда Михаила не было уже лет десять. Землю сдавали. Жить на хуторе в родительском доме после смерти стариков стало некому. Мама Инги с братом Сергеем уехали учиться в город, там и свили гнезда. Приезжали летом, привозили внуков, помогали с огородом. До восьми лет бывала у бабушки и Инга, пока Нина Исаевна тяжело не заболела и не слегла окончательно.

От тех хуторских времен остались у Инги вспышки воспоминаний да шрам от падения с качели. Зеленый забор с нарисованными дедом гусями и живые гуси. Только что ссыпанные со сковородки семечки, которые жевались целиком, с шелухой. Летник, где купались, грея воду на маленькой печке, и где читали вздох на старой перинной кровати «Кладовую солнца» Пришвина. Отдающий тиной и лягушками пруд. Огород, идущий под уклон, отчего ветер в любое время дня норовил сбить работающего с ног. Пугающий и манящий мост по дороге к библиотеке, на котором, по рассказам местных жителей, свел счеты с жизнью несчастный влюбленный. И, конечно же, хуторской погост. Вовсе не зловещий. Изученный вдоль и попе-

рек в то время, когда старшие были заняты прополкой и покраской в небесно-голубой памятников. Здесь были прабабушки Ольга и Мария, бабушка Нина и дед Михаил. А вон там, дальше, нашел вечный покой какой-то мальчишка-ровесник, утопший в пруду.

Любовно высаженные деревья и кусты защищали от ветров, а в середине погост походил на полесок. Березы, березы и прохладная тень под ними. Наверно, лет через десять деревья станут полноправными хозяевами могил, забытых разбегавшимися и может уже сгинувшими на городских кладбищах детьми. Могилы эти зарастут, уйдут в землю, сольются с березами и сиреневыми кустами.

Инга как сейчас помнила, что там, на погосте, было спокойно. С городского кладбища в родном городе хотелось скорее уехать. Там тоже были деревья, но территория его находилась на возвышении, и островков растительности не хватало, чтобы прикрыть и защитить покоящихся и приехавших к ним в гости от пробивающих насквозь порывов ветра. Да и из-за наспех съедаемых поминальных закусок становилось как-то неловко и стыдно. В Чаплыгине ели и поминали без спешки, не таясь. Трапеза после работы не казалась чем-то зазорным, и Инга уплетала вместе со всеми нехитрые кушанья, разглядывая лазурное, без единого облачка небо.

Хутор был небольшим, и до нужной улицы дошли быстро. Инга вглядывалась в каждый дом, точно надеясь, что один из них подмигнет, насупится и выдаст: «Ну и где же ты была?». Но дома молчали. На улице появились незнакомые, выделяющиеся своей новизной постройки, двухэтажные, современные, с разбитыми перед ними на манер городских клумбами. Василий шел торопливо, смотря перед собой на дорогу. Инга терла лоб, всматривалась, но все было впустую. «Ты же говорила, что ого-го сколько времени прошло. Уже и забор поменяли, наверное, и летник снесли, а может, и дом, вот ты найти и не можешь», — успокаивал жену Василий. Инга кивала головой, вздыхала, кутаясь и пряча шею в легкую куртку как можно глубже. Канувший в

лету дом виделся Инге плохим предзнаменованием. Что, если не отыщет своих и в их последнем жилище?

Ветра не было. Блестел и переливался день, перешагнувший через середину. Выйдя за хутор, пошли по широкой, утопанной дороге. По краям — поля и лес. Дышалось легко, и Инга с Василием ускорились. Раз-два, раз-два. Через полчаса добрались до последнего поворота. Инга еще не видела погоста четко, но точно слышала. В кронах деревьев гулял ветер, лохматя березовые косы, тормоза стройные, стремящиеся ввысь свечки тополей.

Инга вдохнула поглубже и приготовилась к встрече. Все восемнадцать лет она думала, что же скажет своим, как оправдается из-за долгого отсутствия, и вот долгожданный момент настал. Все, что больно щемило и рвалось еще вчера, тяжело давило утром и ныло где-то глубоко внутри под ребрами не один год, вдруг прорвалось, хлынуло, покатило по дороге навстречу древесной песне. ■